

Эпилог

На мраморном памятнике золотилась надпись: «Великому Тиччеру! Покойся с миром. Ты всегда был лучшим из лучших...».

— Сволочь! Мерзавец! Скотина! Да, это правда! Лучшим из лучших, — Анна осторожно положила четыре чёрные розы на надгробие и произнесла, — даже в любви тебе не было равных, гадина! Чтоб тебе гореть в аду! Её слёзы поддержало небо. Дождь омывал лицо одинокой женщины, покидавшей кладбище, проклинившей тот день, когда она познакомилась с ним.

Воспоминание 1-е

— Кажется, Вас, зовут Анна? Я не ошибся? Высокий статный мужчина внимательно разглядывал девушку. — Да, Анна, — зарделась девушка, — она опустила взгляд в пол: «О боже! Он обратил на меня внимание!», — разум девушки ликовал, но её язык прилип к горлани. Она не знала, что сказать.

— Вы прекрасны! — осторожно приподнимая её лицо своими пальцами, — молвил Тиччер, — Я хотел бы написать с Вас картину. Ну, что, согласны?

— Да... Да! Ну конечно, согласна! — глаза девушки засветились ликованием...

Воспоминание 2-е

Комната Тиччера, если можно было назвать её таковой, представляла собой огромную студию. Полное отсутствие мебели компенсировалось разнообразными вешалками, кухонными и разного рода агрегатами. Огромный промышленный холодильник был забит едой под завязку. Ванны не было. Зато был душ скрытый полиэтиленовыми занавесками. Посередине этого безобразия стоял мольберт. Чуть поодаль подобие кресло-дивана, покрытое белой простынёй.

— Раздевайся, — сказал Тиччер, — не беспокойся здесь тепло.

— Но как же это? Как же так? — расстроилась Анна, — Я думала, Вы будете рисовать меня в одежде?

— Я собираюсь писать твоё прекрасное тело, а не тканевые покровы, прикрывающие его, — и уже более строго, — раздевайся, я сказал, или уходи!

Анна, сдерживая слёзы, стала раздеваться. Этот мужчина, казалось, гипнотизировал её. Она не могла противиться ему, чувствуя себя в его полной власти. Тиччер писал картину 6 часов. Девушка не раз меняла позу. Несколько раз она вставала, чтобы размяться, но художник, не бранил её, и молча продолжал работу. Наконец он бросил кисти и сказал: «Подойди».

Анна, быстро одевшись, подошла, чтобы посмотреть, что получилось. Она совершенно не разбиралась в живописи, но эта картина была гениальным творением. Застывший рисунок, казалось жил своей собственной жизнью. На картину можно было смотреть часами. И всё время она была разной. То лицо девушки было покрыто грустью, то оно улыбалось, было серьёзным или задумчивым. Её поза была вызывающей или игривой. Иногда она казалась самим целомудрием.

— Ну как? — Поинтересовался гений

— Потрясающе! — не нашлась, что сказать натурщица, — она такая разная...

— Именно этого я и добивался, — сказал художник, — кажется, я голоден: приготовь нам

чего-нибудь поесть...

А потом у них была любовь. На полу. На ортопедическом матрасе. Тиччер не признавал никакую мебель. Но каким он был любовником!

Воспоминание 3-е

— Анна, я продал ту картину за 20 миллионов. Теперь я могу расплатиться с кредиторами. Мне крупно повезло!

— Какую картину, Тиччер? — Анна сделала большой глоток горячего кофе. Кажется, она обожгла язык. Но расстроенная женщина не чувствовала этого.

— Ту, самую, первую?! — пальцы невольно разжались, ей зачем-то понадобилось поправить причёску. Кружка разбилась на осколки. Коричневая дымящаяся жидкость залила пол, — ты продал меня?!

— Не совсем, — художник включил проектор.

На огромном экране была картина с изображением Анны, но девушка на ней была неузнаваема. Поверх прекрасных ножек был нарисован изумрудный хвост русалки, начинающийся от пояса. Он сильно контрастировал с остальным. Был прописан ярко,зывающе, не гармонично. Прелестные коричневые соски были увеличены и окрашены в зелёный цвет. Лицо девыискажала застывшая саркастическая улыбка. Глаза приобрели огромные зелёные ресницы. Отсутствие фона было заменено на огромный валун, на котором восседала русалка, позади плескалось изумрудное море. Голубело небо. Вдали, будто живые, казалось, кричали чайки. Ярко светило полуденное солнце.

— Зачем ты это сделал? Ты испортил картину!

— Таково было пожелание заказчика, — ответил Тиччер, быстро собирая осколки и вытирая пол, — постарайся, впредь, быть более аккуратной. Потом у них была любовь. На сей раз, он прижал её к стене и любил, удерживая своими сильными руками.

Воспоминание 4-е

— Ты продал скульптуру изображающую меня?!

— Это было необходимо. Мне понадобились деньги. К тому же я одел на её голову венок и укоротил волосы.

— Где она сейчас?

— На выставке...

Анна долго искала ту статью, несколько раз проходя мимо. Наконец нашла. Это было вовсе не то. Совсем не то. Лицо женщины не было похожим, формы и линии тела казалось, повторяли её, но что-то неуловимое, не позволяло довершить сходство с оригиналом. Казалось мастер, добавил несколько штрихов, окончательно убив это сходство. «Причём здесь венок?», — думала она: «Она совсем на меня не похожа!» Возвращаясь, домой женщина вспоминала те бессонные ночи, когда она в течение трёх месяцев позировала мастеру. Иногда было холодно, очень холодно. Часто она не чувствовала, ни рук, ни ног. А как она радовалась вместе с ним, когда скульптура была полностью готова.

— Кого ты больше любишь меня или её? — совершенно серьёзно спросила она однажды.

— Конечно тебя, — ответил Тиччер, — она холодная и безжизненная, в ней всего лишь миг.

Замерзший миг тебя. Ему не подвластно время, но ты, ты настоящая! Ты тёплая, мягкая и ты меняешься.

«Да я меняюсь», — подумала тогда Анна: «Я старею, прошло почти 10 лет. Я для тебя ничто. Я натуращица, уборщица, кухарка, любовница. Всё это вместе взятое почти... Но нет: я не жена

тебе. Просто служанка. Без найма и без оплаты».

Она очень редко задумывалась, почему так жила. Просто жила и всё. Нет не просто! Она была музой для Мастера. Он писал с неё картины, лепил скульптуры, а потом начал писать книги...

Воспоминание 5-е

Весь пол студии был усеян листками. Разнообразных размеров и форм. Некоторые были исписаны карандашом или ручкой. Другие отпечатаны пишущей машинкой, третья принтером, подключённому к портативному компьютеру. Тиччер запрещал их собирать. Иногда он, быстро ступая между листков, находил нужное, возвращаясь к ранее написаному. Потом листок вновь оказывался на полу, в отведённом ему месте. Когда книга была завершена, все листки собирались и сжигались в камине. Пока они горели молодые люди совершенно голые танцевали и вопили слова из разных песен. После таких плясок, завершением конечно же была любовь.

Его книги издавались. Они были очень популярны. Он с лёгкостью писал в разных жанрах. Будь это любовный роман или фантастический боевик. Он писал о путешествиях. Из под его пера выходили исторические романы. Все они были шедеврами. И во всех главной героиней была Анна. Она носила другие имена, одевалась по иному, разговаривала на разных языках. Отдавала предпочтение разной еде, разным мужчинам, любила не так, как в жизни Но всё же это была она! Писатель описывал только её и никого более. Остальные персонажи были вымышлены, но в каждом из них угадывались частички души его женщины.

Воспоминание последнее

— Я была на чердаке, впервые за 20 лет, решилась на это...

— Жаль. Мне казалось, ты никогда не догадаешься о том, что он скрывает.

— О чём? О твоей тайне?! Все эти годы ты обманывал меня! Там все 28 картин! — не слыша мужчину, — громко кричала она, Все, все! Все до одной. Даже та самая первая. А скульптуры? Как тебе удалось их затащить туда? Но главное книги. Боже мой. Даже книги ты изменил. Я-то дура их не читала, что продавались. Мне было достаточно тех оригинальных. Зачем ты это делал?

— Я любил и люблю тебя, Анна. Мне не хотелось отдавать этому миру тебя. Но мне были нужны деньги. Нам были нужны деньги.

— Ложь! Всё ложь! Ты никогда не любил меня! Просто использовал, как натурщицу, кухарку, как... Ну, не знаю! Отдай мне все картины и все книги. Я ухожу. Ухожу навсегда.

— Забери всё, только не уходи...

Анна ушла. Она забрала все картины.

Пролог

«Я отдала ему 20 лет. Двадцать лучших лет своей жизни. Он умер вскоре, после того, как я ушла. Нет, я не виню себя». Женщина достала из сумочки острый предмет и, постоянно озираясь по сторонам, выцарапала на камне: «САМЫМ ЛУЧШИМ ЛЮБОВНИКОМ»